

ПОСТИГАЯ СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Олег Волгин*
Елена Карсанова**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-2-67-54-61

Введение. Центральным положением статьи является утверждение, что государство, претендующее быть современным, не может не быть социальным. В качестве обоснования данного тезиса авторы предлагают расширительную трактовку природы социального государства как института власти, который выполняет не только распределительную и охранительную функции, но и формирует положительную социальную активность граждан. Такова задача-максимум социального государства. Под положительной социальной активностью авторы понимают гражданскую активность, которая исходит из внутренней потребности индивида, а не является внешней, побуждаемой государством либо средствами принуждения, либо мягкой силой идеологии.

Материалы и методы. Авторы исходят из холистской методологии, которая позволяет увидеть социализацию не как бинарное отношение индивида и общества, а как практику коллективной коммуникации всех участников общественного действия. В этой связи становится возможным говорить о социальном государстве как институте соучастия, основанном на принципе инклюзивности.

Результаты исследования. Формирование положительной социальной активности, с одной стороны, невозможно без участия государства, с другой - предполагает ограничение его права влиять на свободное самоопределение граждан как активных участников социального действия. Только положительная социальная активность может быть основой подлинного социального государства. В противном случае, если государство по отношению к своим гражданам ограничивается выполнением только распределительной и охранительной

* **Волгин Олег Степанович**, доктор философских наук, профессор кафедры государственного управления МГИМО МИД России
e-mail: oleg.volgin@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-0156-8234

****Карсанова Елена Созрикеевна**, доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
e_karsanova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3000-8009

функций, что является для него задачей-минимум, то оно становится символическим социальным государством, провоцирующим у граждан иждивенческие настроения, что опасно деградацией самой социальности.

Обсуждение и заключение. Появление в XIX веке и затем развитие у государства социальной функции свидетельствует о существенном изменении природы государственной власти. Формирование положительной социальной активности является следствием такого изменения. Положительная социальная активность связывает социальное государство как институт властного соучастия с гражданским обществом, усиливая в самом государстве элементы гражданского этоса.

Введение

В статье «Значение государства» В.С. Соловьев говорит, что у каждого государства должна быть «внутренняя причина своего бытия», которая определяет ее задачу и в случае потери этой внутренней причины вопрос может стоять об экзистенциальной угрозе государству [12. С. 561]. Сегодня нормой для государства стало выполнение им социальных функций, вследствие чего мы называем такое государство социальным. Но что значит быть социальным государством, какую внутреннюю причину своего бытия оно должно реализовать? Этот вопрос является предметом данной статьи.

Если обобщить распространенные представления о социальном государстве, изложенные в большом количестве публикаций [2; 3; 11; 15; 16; 17], то можно выделить три его главных признака. Социальным принято называть государство, которое выполняет следующие задачи:

1. Защищает права и свободы всех граждан вне зависимости от их социального статуса, материального положения, культурной или конфессиональной принадлежности и физических возможностей.
2. Обеспечивает работающим гражданам и их семьям достойный образ жизни;
3. За счет перераспределения государственных средств, а также привлечения бизнеса к социально ответственным акциям, государство гарантирует своим гражданам равные права доступа к общественным благам, что дает им возможность чувствовать себя социально защищенными.

Такое представление о том, что должно делать социальное государство, на наш взгляд, можно определить как задачу-минимум, поскольку здесь ответственность государства перед обществом ограничивается

распределением общественных благ и защитой равенства прав граждан. Но логика подсказывает, что у государства в таком случае должна быть и задача-максимум. Смысл такой задачи можно определить, как создание государством равных социальных возможностей для всех как основы подлинной социализации граждан.

Исследование

Ключевой концепт в теории социального государства – это социальность. Ставшее абсолютно привычным в нашей обыденной речи понятие социальности в общественной науке, однако, имеет много трактовок. Все они – результат вращения научной и философской мысли вокруг главного вопроса: как выразить природу социальности так, чтобы различить в ней формальное и реальное содержание, подлинность и кажимость. Глубокий анализ этого вопроса, как нам представляется, был проведен в коллективной монографии «Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы». Авторы монографии определяют социальность как «продукт бытия «с другими» и среди «других»... как «пространство взаимности» [13. С. 48].

Разделяя эту точку зрения, авторы данной статьи считают, что различать подлинную и формальную социальность следует не по ее условиям, а по результатам, иначе говоря, не по тому, что общество дает людям, а что люди дают обществу. Что бы человек ни делал, он несет в себе социальность. Но этого мало, подлинную социальность нужно постоянно воспроизводить. Поэтому под подлинной социальностью современного государства мы понимаем такое состояние, когда людей связывают узы гражданской солидарности.

Понятие гражданской солидарности тоже нуждается в пояснении. Если мы сопоставим

ставим его с другими видами солидарности, например, трайбалистской, профессиональной, конфессиональной, половозрастной, идеологической и пр., то заметим, что оно в отличие от них не ограничено социальными статусами, иначе говоря, является всеобщим. Понятно, что такая черта гражданской солидарности не может не быть результатом особой политики государства, нацеленной на благополучие своих сограждан без исключения.

В историческом плане социальное государство – недавнее явление, возникшее в западно-европейской цивилизации более ста лет назад и с этого времени оно пережило определенную эволюцию. Однако, как справедливо отмечает А. Симоянов, «некоторые его элементы можно увидеть на протяжении всей мировой истории» [11. С. 217]. Несомненно, что произведения Т. Мора, Т. Кампанеллы, и конечно, великих социалистов-утопистов (Ш. Фурье, А. Сен-Симона, Р. Оуэна и др.) выражают вековую мечту людей о социальном государстве, справедливом, заботящемся о благополучии сограждан, поскольку верховные институты этих воображаемых государств были нацелены именно на равное распределение социальных возможностей их сограждан.

Хотя наша цель не в том, чтобы исследовать историю становления социального государства, поскольку нас интересует этот феномен как таковой, тем не менее невозможно избежать краткого взгляда на основные исторические этапы его развития.

Начальным этапом становления социального государства является Новое время. К XVIII веку сущность государства качественно меняется, оно сбрасывает свою старую «кожу» династического и персонифицированного органа верховной власти и становится безличным политико-правовым институтом. Хотя в силу инерции символической власти еще остаются возможными и отчасти содержательными такие словосочетания как «государство Наполеона», «государство Бисмарка» или «государство победившего пролетариата», но на деле, по мере того как развивается безличный характер государственной власти, оно становится всеобщим властным институтом на определенной территории. Территориальный признак современного государства заменяет прежний, персоналистический. В. Иванов дает краткое определение деперсонифицированного государства, называя его «территориально-политической организацией» [6. С. 11]. При этом он подчеркивает верховный власт-

ный характер такой организации, целью которой является «*организация людей в территориальных пределах,... то есть властвование над людьми, их подчинение на определенной территории*» [6. С. 36]. Оставим без комментариев неудачное с точки зрения кантовской этики выражение «властвование над людьми», а также акцент на «подчинение» государству и заметим, что «властвование» должно сопровождаться также и «кормлением» тех, над кем государство властвует, ибо принцип легитимности предполагает обоюдную ответственность: людей перед государством и государства перед людьми.

В раннее Новое время, когда при поддержке государства складывались основы капиталистических рыночных отношений, государство по сути было антисоциальным; оно, как часто говорят либертарианцы, занимало позицию «ночного сторожа» или «констебля», охранявшего закон и порядок. Защита бедных и социально незащищенных для такого государства вообще не была задачей: оно декларировало равные возможности, но не обеспечивало их, поскольку, будучи отражением классовых интересов, не было политически нейтральным. С середины XIX века в связи с углубляющейся классовой поляризацией общества государство становится классово ангажированным, вследствие чего представления о государстве как инструменте принудительной силы оказали существенное влияние на саму природу государства. Идеи, как известно, становятся материальной силой, когда они овладевают массами [8. С. 422]. В этой связи нельзя не согласиться с субъективно-символической трактовкой государства П. Бурдьё, согласно которой *оно производно от наших мыслей о нем*, то есть государство «существует, по сути, именно потому, что его считают существующим» [1. С. 62]. Наши мысли и представления о государстве реализуются в нашей нормотворческой деятельности по «организации согласия как присоединения к социальному порядку» [1. С. 36].

Организация согласия ради установления порядка уже является социальной ценностью, но заметим, что в обществе, разделенном на классы, сам порядок есть классовая ценность, удовлетворяющая партикулярные, а не всеобщие интересы, а значит, в таком обществе государство не может быть социальным, даже если оно говорит от имени большинства и интерес большинства провозглашается как всеобщий интерес.

В полном смысле слова государство может стать социальным только тогда, когда

оно становится *действительно* всеобщим: для этого в обществе должен существовать приоритет закона, защищающего права и свободы всех граждан вне зависимости от того, остаются ли в этих странах сохранившиеся рудименты сословных различий. Так, в странах Европы, где на сегодняшний день существуют 12 монархий, государства начинают обретать социальный характер после Второй мировой войны, что непосредственно связано с развитием демократической культуры публичного управления. В странах социализма и, в первую очередь в СССР, предпосылки социального государства начали складываться в период так называемого «развитого социализма» (1980-е годы), когда советские идеологи ввели понятие новой исторической общности – «советский народ», – так и не созданной. В первой статье Конституции СССР 1977 года было записано: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны» [7].

К этому времени практически все государства экономически развитых стран Европы стали де-факто социальными. Хотя до сих пор в конституциях большинства из них понятие «социальное государство» не употребляется. Непосредственно это словосочетание присутствует только в конституциях королевства Испании, Французской Республики и Княжества Андорры. В конституциях большинства же других стран, в отношении которых невозможно сомневаться в том, что их государства являются социальными, таких как: Италия, Нидерланды, Бельгия, ФРГ, Португалия, Дания, Швеция, Финляндия нет на это прямого указания, но при этом очень подробно перечисляются обязанности государства перед гражданами в обеспечении прав на достойную жизнь, безопасность и личное развитие. Таким образом, понятно, что значение имеют не формальные, но реальные, то есть выполняемые, обязательства государства перед населением. Они в свою очередь обуславливаются рядом дополнительных характеристик государственного управления.

Современное государство, – а таковым мы называем государство успешно справляющееся с вызовами современной эпохи, обеспечивая при этом максимальные возможности для человеческого развития, – сложноорганизованный институт власти. Он характеризуется как минимум четырьмя

качественными особенностями. Во-первых, такое государство должно быть *правовым*. Во-вторых, оно должно опираться на *демократические* формы власти. В-третьих, оно должно сотрудничать с *гражданским обществом*. И, в-четвертых, оно должно быть *социальным*. Все стороны этого «квадрата» взаимосвязаны. Каждое из вышеуказанных качеств современного государства предполагает наличие трех остальных. Так, не может быть государство социальным и в то же время не правовым и не демократическим.

Принципиальный вопрос таков: можем ли мы государство, ограничивающееся только распределением материальных благ и охраной равных прав граждан назвать подлинно социальным? По-видимому, только с существенной оговоркой. Социальная роль такого государства в большей мере символична, чем реальна, представляет собой скорее программу действий, чем достигшее своей цели качество.

Мы знаем из опыта, что распределительная и охранительная функции государства могут с успехом обеспечиваться в условиях авторитарной власти и при отсутствии зачатков гражданского общества. Примеров таких государств в истории можно назвать множество, начиная от древнейших государств с централизованной дворцовой распределительной экономикой и завершая нашим временем, где мы найдем немало примеров распределительной экономики в условиях авторитарной власти.

Авторитарная власть активно пользуется возможностью символизировать социальные ценности. Именно возможность возбуждать в людях потребность в символическом благе становится причиной того, что символические блага могут на некоторое время, – пока у людей не возникает острая материальная потребность, – замещать реальное и осязаемое.

Нельзя не согласиться с определением А. Симоянова, что «социальным является государство, ставящее социальные потребности широких слоев населения в порядок своих первоочередных задач и стремящееся к обеспечению всех граждан равными возможностями для развития» [11. С. 217]. Но также, по нашему мнению, нельзя им и ограничиться.

Называя государство социальным, мы вправе полагать, что цель такого государства заключается в чем-то большем, чем в помощи гражданам в доступе к справедливо распределяемым общественным благам, поскольку распределительная и охранительная

ная функции не могут обеспечить главного - полноценной социализации граждан.

Под полноценной социализацией мы понимаем не только заботу государства о людях, но и заботу людей о «здоровье» своего государства, активную заботу, исходящую из внутренней потребности человека в воспроизводстве не только вещного богатства общества, но и самой социальности. В диалектическом союзе общества и человека мы выделяем человека как общество-образующего субъекта.

В традиции социоцентристского подхода, сторонники которого апеллируют к шестому тезису К. Маркса о Фейербахе, где сущность человека трактуется как совокупность общественных отношений [9. С. 3], невозможно понять человека как субъекта, создающего социальность. Вот, к примеру, одно из таких определений социализации: «Все человеческие общества социализируют своих членов, чтобы они жили между людьми по общим правилам; иначе невозможно было бы наладить сотрудничество между людьми и, следовательно, человечество не преуспело бы как вид» [14. С. 61]. Здесь приоритетной субъектностью наделяется человеческое сообщество как целое, вид доминирует над индивидом.

Односторонность социоцентристского подхода не позволяет объяснить потребность человека в социальной активности, исходящей от него самого, понять то, что социализация есть сознательное условие, инструмент, позволяющий индивидам раскрыть в обществе и посредством общества свой личный потенциал. Социальное государство тоже один из таких инструментов.

Однако заметим, что мы не приписываем предикат «социальное» любому исторически сложившемуся типу государства, несмотря на то, что любое государство есть результат социальной активности людей. В противном случае мы бы не поняли, чем современное государство в социальном плане принципиально отличается от всех ему предшествовавших исторических типов.

Принципиальное различие заключается в том, что государство, которое бы эффективно отвечало на вызовы современности, не может не быть социальным. Это новое качество государства определяется, конечно, не добродетельными намерениями политиков и чиновников. Оно - результат объективной реакции общества на целый комплекс новых проблем: экономических, технологических, этнополитических, демографических, экологических, информационных и

т.д. Нынешняя практика государственного управления показывает, что государство не может быть успешным, если игнорируются рационально и нравственно обоснованные разнообразные запросы социальных групп и отдельных граждан, и это свидетельствует о том, что мы все глубже входим в эпоху социальности нового типа, характерная черта которой - *инклюзивность*.

Государство не может ни социальным группам, ни отдельным индивидам вменить обязанность быть социально активными. Наоборот, парадокс социально ориентированной власти заключается в том, чтобы дать группе или индивиду право инициативы, право свободно выбирать либо социально активную позицию, либо оставаться в пассивном режиме простого потребителя социальных благ.

Последний, как «чистый потребитель» по сути, асоциален, поскольку потребление, являясь одним из моментов производства, само по себе не создает социальности. Кроме того, не нужно доказывать, что потребительское отношение к общественным благам порождает в людях настроение иждивенчества, что является ахиллесовой пятой социального государства. Более того, дух иждивенчества социально опасен, поскольку в нем скрыто потребительское отношение не только к вещам, но и к самому человеку как к вещи. За примерами не надо идти в «мир капитала», их в изобилии дает нам пережитый опыт социализма. Богатая коммуналистская практика последнего столетия, вне зависимости от культурного своеобразия «социализмов», показала, что потребительская социализация неизбежно приводит к расточительному отношению людей к общественным благам, отношению, которое А. Печчеи охарактеризовал как «трагедию общественного имущества» [10. С. 139], что в конечном счете ведет к росту отчужденности между людьми и их безразличию к проблемам общества, в котором они живут.

Для полноценного исполнения государством социальной функции необходимо соучастие его граждан. Из актов соучастия плетется ткань социальности, форму же ей придают социальные институты; без живого соучастия граждан возможна только пустая административно-управленческая форма псевдо-социальности, иными словами - форма без содержания.

Такая бессодержательная псевдосоциальность чревата тяжелыми последствиями как для общества, так и для граждан, поскольку она является по сути питательной средой

для асоциальных и даже антисоциальных форм поведения людей. Эти формы объединяет одно – их индивидуалистическая суть: внешне индивид находится в обществе, внутренне – он остается наедине с собой. В этом разладе внешней и внутренней жизни индивида заключается парадоксальная связь кажущихся двух крайностей – индивидуализма и тоталитаризма, и там и там отсутствует активно созидаящая социальность личность. Поэтому ни там, ни там невозможно социальное государство, даже если государство провозглашает как свою первостепенную задачу заботу о материальном благосостоянии своих граждан.

Материальное благосостояние людей само по себе не может быть источником социальности. Это понимал Ф.М. Достоевский, выразивший эту вековую истину в легенде о Великом инквизиторе. Иван Карамазов убеждает брата Алешу, что люди устроены подлю, материалистически. Имея возможность выбора между свободой и хлебом большинство выберет хлеб и «кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас» [4. С. 231].

Действительно, невозможно спорить с тем фактом, что материальные потребности находятся в основании пирамиды потребностей, но это верно только для определенных условий. Идеальные ценности уступают материальным только тогда, когда первые абстрактны; когда же дело касается конкретнoидеальных ценностей, имеющих личное значение, то есть таких, без которых человек теряет себя как личность, то отношение материального и идеального может меняться с точностью до наоборот. «Пирамида Маслоу» работает в рамках статистической парадигмы, примененной к массовидным общественным реалиям, но она может переворачиваться таким образом, что идеальные ценности становятся базовыми, определяющими, если мы видим социальность с позиции персоналистического запроса на нее, исходящего от самого индивида.

Подобно тому как атомы в силу их индивидуальных особенностей составляют те или иные материальные образования, так и индивиды (эти социальные атомы) являются инициаторами социальности. Люди социальны не потому, что они одинаковы, а потому, что они различны, индивидуаль-

ны. Зрелая, или органическая (Э. Дюркгейм) социальность, возможна только там, где развита и высоко ценится индивидуальность. И напротив, пренебрежение к индивидуальности разрушает социальные связи, оставляет их форму, но уже без содержания, что можно назвать *псевдосоциальностью*.

Заключение

В псевдосоциальном сообществе каждый перестает существовать для другого. В произведении А.А. Зиновьева «Светлое будущее» есть эпизод, когда герой романа, научный сотрудник Института Философии АН СССР задумывается над странностью развитого социализма. Поводом стала попавшаяся ему на глаза старуха-старьевщица, которая рылась в мусорном баке. «... Старуха не выходила у меня из головы. – говорит герой романа, - Построили развитой социализм. Ускоренными темпами движемся к коммунизму. А ей на это на все наплевать. Для нее не существует никакой истории. Никаких проблем. Она скоро исчезнет. И я исчезну». Между тем... «Старуха нагрнула тележку и не спеша потащила ее за цепь, перекинутую через плечо. Люди проходили мимо нее, совершенно не замечая ее. Она для них не существовала вообще. Так же и они для нее. Вот вам сосуществование двух независимых миров, между которыми исключено всякое взаимопонимание. Зачем летать на другие планеты, если по улицам бродит эта Пьяная старуха, с которой мы также не можем установить контакта. И не хотим этого делать» [5. С. 94].

В этом эпизоде А.А. Зиновьев описывает, казалось бы, малозначительную микроситуацию. Но она интересна для исследователя тем, что убеждает – создание подлинной социальности начинается всегда снизу, не с властных институтов, а с живых актов человеческого общения. Социальное государство и функции его институтов, как бы ни были они значимы, – вторичны; возвращаясь к мысли В.С. Соловьев, упомянутой в начале этой статьи, можно сказать, что «их внутренняя причина бытия» – *способствовать* процессу социализации, создавать необходимые правовые и культурные условия для соучастия граждан в созидании подлинно социальной жизни.

Литература:

1. Бурдые П. О государстве. М., 2016.
2. Гриценко Н.Н., Волгин Н.А., Охотский Е.В., Попов Ю.Н., Шарков Ф.И. Основы социального государства / Под общ. ред. Н.Н. Кузьминой, Ф.И. Шаркова. М., 2019.
3. Гончаров П.К. Социальное государство: сущность, мировой опыт, российская модель // Социально-гуманитарные знания. М., 2000. № 2.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 14. М., 1976.
5. Зиновьев А.А. Светлое будущее. М., 2008.
6. Иванов В.В. Теория государства. М., 2010.
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советский Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.
8. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е. изд. Т. 1. М., 1955.
9. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М., 1955.
10. Печчеи Аурелио. Человеческие качества. М., 1984.
11. Симоянов А.В. Социальное государство: суть, критерии, индикаторы // Логос. № 2 (98). 2014.
12. Соловьев В.С. Значение государства // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М., 1989.
13. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. М., 2009.
14. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М., 2019.
15. Чиркин В.Е. Социальное государство // Большая российская энциклопедия. Т. 30. М., 2015.
16. Шарков Ф.И., Аверин А.Н. Основы социального государства. М., 2016.
17. Шарков Ф.И. Основы социального государства. М., 2012.

UNDERSTANDING THE SOCIAL STATE

Introduction. The central point of the article is the idea that a state, which pretends to be modern, must be social. To prove this idea the authors propose a broad view on social state which duties are not limited to protective and distributive activity, but – what is more important – presupposed to initiate positive social activity of its citizens. The concept of positive social activity the authors treat as such kind of activity, which comes out from the internal needs of persons not from external press of the state by any means.

Materials and methods. The research is based on holistic methodology, which allows understanding socialization not as a binary relation between a society and an individual, but as a practice of collective communication of all social actors. This point of view gives social theorists an opportunity to analyze social state as the institute of co-working that requires the policy of inclusivity.

Results of study. The formation of positive social activity, on the one hand, is impossible without participation of the state, but, on the other hand, it presupposes the limitation of state power to effect on free choice of individuals to act. If not, a state turns into symbolic social state limiting its activity by protective and distributive roles. The result of this limitation

might cause a mood of parasitical consumerism of its citizens and degradation of sociality.

Discussion and conclusion. The nature of a state experiences substantial changes in the XX century. We witness the appearance of new type of a state that never exists before. One of the fundamental features of it is a positive social activity of its citizens. Only because of this a state can efficiently cope with the challenges of contemporaneity and acquires the real social essence.

Oleg S. Volgin,
Doctor of Science (Philosophy),
Associate Professor at the Department
of Public Administration.
MGIMO University,
Moscow, Russia

Elena S. Karsanova,
Doctor of Science (Political Science),
Associate Professor at the Department
of Political Science.
Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

социальное государство, социализация,
положительная социальная активность,
идеологическое государство, воображаемое
государство

Keywords:

social state, socialization, positive social
activity, ideological state, imaginary state

References:

1. Bourdieu P., 2016. O gosudarstve [About the State]. Moscow.
2. Gricenko N.N., Volgin N.A., Ohotskij E.V., Popov Yu.N., Sharkov F.I., 2019. Osnovy social'nogo gosudarstva [The Bases of Social State]. Ed. by N.N. Kuz'mina, F.I. Sharkov. Moscow.
3. Goncharov P.K., 2000. Social'noe gosudarstvo: sushchnost', mirovoj opyt, rossijskaya model [Social State: the Essence, World Experience, Russian Model]. *Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]*. № 2.
4. Dostoevskij F.M., 1976. Brat'ya Karamazovy [Karamazov Brothers]. *Polnoe sobranie sochinenij v 30-ti tomah [Complete works in 30 volumes]*. Vol. 14. Moscow.
5. Zinov'ev A.A., 2008. Svetloe budushchee [Bright Future]. Moscow.
6. Ivanov V.V., 2010. Teoriya gosudarstva [The Theory of State]. Moscow.
7. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskij Socialisticheskij Respublik [Constitution of the USSR]. *Prinyata na vneocherednoj sed'moj sessii Verhovnogo Soveta SSSR devyatogo sozyva 7 oktyabrya 1977 g.*
8. Marks K., 1955. K kritike gegelevskoj filosofii prava [To the Critique of Hegelian Philosophy of Right]. *Marks K., Engel's F. Sochineniya [Works]*. 2-e edition. Vol. 1. Moscow.
9. Marks K., 1955. Tezisy o Fejervbahe [Theses on Feuerbach]. *Marks K., Engel's F. Sochineniya [Works]*. 2-e edition. Vol. 3. Moscow.
10. Pechchei, Aurelio, 1984. Chelovecheskie kachestva [The Human Qualities]. Moscow.
11. Simoyanov A.V., 2014. Social'noe gosudarstvo: sut', kriterii, indikatory [Simonianov A.V. The Social State: Essence, Criterion, Indicators]. *Logos*. № 2 (98).
12. Solov'ev V.S., 1989. Znachenie gosudarstva [The Meaning of State]. *Sochineniya v 2-h tomakh [Works in essays in 2 volumes]*. Vol. 2. Moscow.
13. Social'noe: istoki, strukturnye profili, sovremennye vyzovy [Social: origins, structural profiles, contemporary challenges]. Moscow, 2009.
14. Fukuyama F., 2019. Identichnost': Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya [Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment]. Moscow.
15. Chirkin V.E., 2015. Social'noe gosudarstvo [The Social State]. *Bol'shaya rossijskaya enciklopediya [Great Russian Encyclopedia]*. Vol. 30. Moscow.
16. Sharkov F.I., Averin A.N., 2016. Osnovy social'nogo gosudarstva [The Bases of Social State]. Moscow.
17. Sharkov F.I., 2012. Osnovy social'nogo gosudarstva [The Bases of Social State]. Moscow.